

Это были красивые руки.

Если бы не размер, его руки можно было бы принять за руки леди, настолько они были красивыми. Пальцы были изящно тонкими, а кончики пальцев с тщательно подстриженными ногтями были аккуратными, словно их нарисовал искусный художник.

Кожа тоже была светлой и гладкой. Хотя из-за болезни они утратили былой блеск, ладони, которые за всю свою жизнь ни разу не подвергались грубой работе, были мягкими и хрупкими, как ладони младенцев.

Может быть, именно поэтому, переведя взгляд на свои руки, он подумал о лилиях, сделанных из шелка. Это были искусственные цветы, сделанные кропотливыми руками, которые были похожи на живые цветы, а их неестественность и эстетика привлекала внимание людей.

«Ты должен помнить...»

Мужчина протянул свою элегантную руку и схватил Эжена за руку. Эжен спокойным взглядом посмотрел на мужчину, который крепко держался за него.

«Помни, Эжен. Ты должен помнить... Ты - не барон. Наша семья носила титул почтенного графа со времен Цезаря II. Что бы ни говорила распутная императрица, что бы ни порочили глупые дворяне, ты не должен забыть свои корни. Помни о славе наших предков. Никогда не забывай о чести нашей семьи, которую у нас с тобой отняли.»

Слова, которые он слышал бесчисленное количество раз.

«У нас с тобой украли честь. Славу наших предков.»

Глаза мужчины блестели со знакомым безумием.

Безумие было движущей силой жизни этого человека, а также конечной причиной его гибели.

Дух и здоровье мужчины были разрушены его собственным эго. Его упрямая одержимость тем, что было уже потеряно, заставляла даже его немногочисленных друзей покачать головами и уйти, и все, кто остался рядом с ним - это были больные люди, зараженные тем же безумием.

Мир посмеялся над ними.

«Эжен.»

Мужчина задыхался и звал Эжена. Ему теперь больше не о ком было горевать, и Эжен был

единственным, с кем он мог поделиться своими чувствами.

К несчастью для Эжена, мужчина, который оставил маленького ребенка без присмотра и не заботился о том, как тот живет, но говорил так, как будто все, что он сделал, было ради него, что он все еще был его отцом. Безжалостный и эгоистичный отец, который даже не заметил, что рука его сына была вся в грубых мозолях и ранах.

«Семья Шастан - это семья графа Каф. Это была гордая семья маркграфов. В прошлом даже маркиз столицы не мог грубо обращаться с нашей семьей. Ты должен заставить их заплатить за свои грехи. Мы снова найдем свое место. Теперь ты должен продолжить ту великую работу, которую я не смог завершить.»

Убитый горем отец голосом, полным жара, пытался получить от него подтверждение его словам.

Да, верно. Мы были семьей маркграфов. Но мы также были теми, кто не справился со своей ролью и сбежал.

Предки бросили свое поместье и подчиненных, а также жителей той территории на произвол судьбы.

Это и есть та слава, о которой ты говоришь?

На мгновение в голову пришла циничная мысль. Но, как всегда, эта мысль задержалась у него в голове, а затем быстро исчезла.

Как бы то ни было, он все равно умирал. Несмотря на то, что этот человек не обладал человеческим состраданием, он все еще был его отцом.

Несмотря на то, что он был человеком, которого больше заботила поездка в столицу, чем стоимость лекарств для его умирающей жены, несмотря на то что он был человеком, который всегда обвинял других, даже не осознавая своих ошибок...

Он был единственным кровным родственником Эжена, оставшимся в этом мире.

«...Отец, пожалуйста, прекратите и отдохните.»

Эжен вырвал свою руку из рук мужчины.

Мужчина снова протянул руку, чтобы схватить Эжена, но слабые пальцы старика, страдающего заболеванием легких, не смогли удержать его. Эжен натянул старое одеяло, накрыл им тело отца и взял миску с супом.

Из горла отца вырвался хриплый звук кашля вместе со звуком его хрипящего дыхания. Кожа, бледная из-за болезни, была похожа на чистый лист бумаги, и были отчетливо видны голубые кровеносные сосуды, проходящие под тонкой кожей.

«Не забывай, Сын. Никогда... Ты не должен никогда....»

Умирающий голос медленно терял свою силу.

Свет гас в его глазах, а белые руки соскользнули со старого одеяла.

Мужчина словно заснул.

Дзын-дзын.

Холодный зимний ветер слегка сотрясал окно. В очаге, где виднелись черные угли, уже не было тепла. Чердак грязного и обшарпанного пансионата.

Посреди комнаты, которую Эжену едва удалось снять, учитывая размер его жалованья, лежал больной человек, который был одним из самых известных дворян на востоке.

Человек, потерявший всех своих многочисленных друзей и любимых, высох, как сухие ветки поздней осенью, и медленно умирал, рассказывая о великолепной былой славе, которая до сих пор согревала его сердце.

Какой жалкий конец для того, кто желал необратимого.

Эжен знал, что его отца убивала не только болезнь. Отчаяние и одиночество, ловушки, в которые его отец загнал сам себя.

Отец, на самом деле, умирал из-за этого. Все его указы, предназначенные Эжену, были ничем другим, как упрямством, которое не покидало его до конца жизни.

Именно из-за войны тринадцатилетней давности, граф Амье, который был маркграфом в регионе Амье, был понижен в статусе до барона, что на два ранга ниже его первоначального звания.

Вторая революция Ландриенна, которую историки Империи позже назвали «Позором Ландриенна», была самым крупным поражением, с которым им пришлось столкнуться с момента основания Империи в завоевательной войне, развязанной Восточной империей Шаак.

В этой унижительной войне империя Эстина потеряла своего императора и потеряла всю

восточную равнину, а также восточную часть реки Берн.

<http://bllate.org/book/13046/1151462>